

Ольга Баранова

Черная метка
для графини

Ольга Баринова

Черная метка для графини

«Литнет»

2026

Баринава О.

Чёрная метка для графини / О. Баринава — «Литнет», 2026

Вчера она брала на аборт кораблей, сегодня — дворцы и заводы. Вчера враги боялись её «Чёрной метки», сегодня — улыбки на балу. Но титул — не защита, а власть — не подарок. Враги не дремлют, интриги плетутся, а сердце предательски ёкает, когда рядом оказывается тот, кто с первого взгляда видит в ней не леди, а ту самую разбойницу с кинжалом. Придётся снова брать своё. Кровью, золотом и женской хитростью.

© Баринава О., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	18
ГЛАВА 5	21
ГЛАВА 6	27
ГЛАВА 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

ПРОЛОГ

Море горело.

Алисия "Черная Метка" Вэнс стояла на коленях в луже собственной крови и смотрела, как пламя пожирает ее корабль.

"Месть" умирала.

Алисия видела, как огонь лижет такелаж и грот-мачта с ее флагом кренится все сильнее. Палуба под коленями дрожала в предсмертной агонии, и дрожь эта отдавалась в сломанных ребрах такой болью, что темнело в глазах. Воздух был пропитан едким дымом тлеющего дерева и пороховой гарью, а во рту застыл солоноватый привкус собственной крови.

Она не кричала.

- Нравится?

Голос за спиной звучал почти ласково.

Джейкоб. Ее первый помощник. Человек, которому она доверяла больше всего на свете.

Алисия зажмурилась на мгновение. Кинжал в спине мешал дышать.

- Ты всегда умел выбирать момент, Джейкоб, - ее голос сорвался в хриплый кашель. Кровь брызнула на палубу, темная, почти черная в свете пожара.

Он обошел ее медленно, с расчетливой грацией хищника, который знает, что добыча никуда не денется. Высокий, светловолосый, с глазами цвета зимнего моря. Семь лет назад она увидела эти глаза сквозь прутья клетки на невольничьем рынке и поняла: этот будет стоить любых денег.

Она не ошиблась.

Он стоил всего.

- Помнишь, как ты купила меня? - спросил он, останавливаясь в двух шагах. Огонь плясал в его зрачках, делая их похожими на расплавленное серебро. - Семьдесят золотых. Ты дала мне свободу на следующее утро. А потом всю оставшуюся жизнь доказывала, что я - всего лишь твоя вещь.

- Я любила тебя. - выдохнула Алисия.

Джейкоб замер.

На одно мгновение - всего лишь на одно - в его глазах мелькнуло что-то живое. А потом исчезло, смытое годами обиды, которую он так тщательно растил в себе.

- Любила, - повторил он. - Да. Я знаю. И это было хуже всего.

Он присел на корточки перед ней, и теперь их глаза были на одном уровне. Алисия смотрела в это красивое лицо - точеные скулы, четкая линия губ, шрам над левой бровью, полученный в драке в портовом кабаке. Она помнила, как обрабатывала эту рану. Помнила, как он смотрел на нее тогда...

Она думала, это любовь.

Оказалось - зависимость.

- Каждую ночь, лежа с тобой в постели, - тихо сказал Джейкоб, - я слышал, как матросы за стенкой смеются. "Капитанский мальчик", - вот как они меня называли. А ты не слышала. Или слышала, но тебе было все равно. Ты же хозяйка. Ты можешь все.

- Я убила бы любого, кто...

- Убила бы, - перебил он. - И что? Они бы перестали так думать? Нет. Просто научились бы молчать. А я бы остался тем, кем был - твоей вещью. Купленной за семьдесят золотых.

Алисия закрыла глаза.

Семь лет она думала, что спасла его. Вытащила из грязи, из клетки, из рабства. Думала, он счастлив и любит. А сейчас умирала от его руки.

- Я просто хотел выжить, - сказал Джейкоб, будто прочитав ее мысли. - Я даже был благодарен. Сначала. Пока не понял, что для тебя я - просто трофей. Еще одна диковинка, которую можно выставить напоказ. Ты гордилась мной, Алисия. Но ты никогда не видела во мне человека.

- Я сделала тебя своим первым помощником! - она открыла глаза, и в них полыхнула ярость - та самая, что заставляла трепетать команды целых флотилий. - Я доверяла тебе жизнь. Свою жизнь!

- Свою жизнь - да. - он покачал головой. - А сердце ты оставила себе. И разбила мое вдребезги... Я ждал семь лет, когда ты хоть раз посмотришь на меня не как на собственность. Когда спросишь, что я чувствую. Когда заметишь, что я не сплю ночами, потому что рядом с тобой - это сладкая пытка, а не счастье. Но ты не замечала. Ты вообще ничего не замечала, кроме своего чертового моря и своей чертовой мести.

Алисия молчала.

Что она могла сказать? Он был прав. Она не замечала. Слишком долго училась выживать, быть сильной и не доверять никому - и разучилась чувствовать.

- А знаешь, что самое страшное? - Джейкоб усмехнулся, и в усмешке этой было столько горечи, что Алисии показалось - еще немного, и она захлебнется ею. - Я ведь правда ждал. До самого конца. До сегодняшнего утра я надеялся, что ты заметишь. Что ты обернешься и увидишь меня.

- Джейкоб...

- Поздно, - отрезал он. - Все поздно. Но я хочу, чтобы ты кое-что знала перед смертью. Он наклонился.

Ближе. Еще ближе. Его губы коснулись ее уха, и от этого прикосновения - такого знакомого, такого родного - у Алисии перехватило дыхание.

- Твоя сестра, - прошептал он. - Лилиан.

Алисия вздрогнула, будто от удара хлыстом.

Лилиан.

Ее близняшка. Ее вторая половина. Та, с кем они двадцать пять лет назад появились на свет в один день, с кем делили одну колыбель, одни игрушки, одни тайны. Та, что была ее полной противоположностью - мягкая, кроткая, тихая, с глазами цвета летнего неба и улыбкой, от которой у самых суровых мужчин таяло сердце.

Лили, которая всегда верила в нее.

Лили, которую она бросила.

- Что с ней? - голос Алисии сорвался в хрип. - Джейкоб, что с ней?

Он медлил. Смаковал каждое мгновение, каждую каплю ее ужаса. И когда заговорил, слова его падали, как удары молота по наковальне.

- Ты ведь думала, она в безопасности? Что живет тихо в каком-то поместье на севере, вышивая приданное и ждет принца?

- Я посылала деньги... я...

- Деньги не доходили. Ты же мне доверила переправлять их? Иногда ты такая наивная, Алисия. Ничего не дошло до нее. Ничего.

Алисия замерла.

- Ты... Где она?! - Алисия рванулась вперед, забыв о ране, о боли, о смерти, заглядывающей в глаза. - Джейкоб, скажи мне, где она?!

Он легко отстранился, и она рухнула лицом в палубу, не в силах даже подняться.

- Она жила в Бельтайне, - сказал он. - Ее выследили люди герцога Монфортского. Того самого, кто ищет тебя. А ведь вы так похожи...

- Нет...

- Они ворвались в дом ночью. Она была одна. Муж... - он запнулся. - У нее был муж, Алисия. Ты даже не знала. И дочка. Два года.

Алисия закричала.

Это был не крик - это был вой раненого зверя. Он вырвался из самой глубины, раздирая горло, заглушая треск пожара, заглушая все на свете.

- ОНА ЖИВА?! - закричала она, вскидывая голову. - СКАЖИ МНЕ, ЧТО ОНА ЖИВА!

Джейкоб смотрел на нее сверху вниз.

И молчал.

Секунда. Две. Три.

- Она погибла, защищая дочь, - сказал он наконец. - Успела заслонить ее собой. Муж попытался вмешаться, и ему перерезали горло.

Мир рухнул.

Алисия слышала эти слова, но она не улавливала смысл. Потому что если это правда - значит, все, что она делала все эти годы, было не просто ошибкой. Это было самоубийством.

- Из-за тебя, - тихо сказал Джейкоб. - Все из-за тебя. Ты не проверила. Ты даже не попыталась узнать, как она живет. Ты просто... вычеркнула ее. Чтобы не чувствовать боль. Чтобы не чувствовать ничего.

- Я думала, что так защищаю ее...

Он развернулся и пошел прочь.

И только тогда, глядя в его удаляющуюся спину, Алисия поняла то, что должно было понять семь лет назад.

Он ненавидел ее не за то, что она купила его, или сделала своей вещью. Он ненавидел ее за то, что она заставила его полюбить себя. За то, что он зависел от каждого ее взгляда и прикосновения. За то, что она была его единственным смыслом, а для нее он был всего лишь одним из...

- Прости, - прошептала она в пустоту. - Прости меня, Лили. Простите меня все...

Пламя подбиралось ближе.

Алисия закрыла глаза, проваливаясь в темноту...

...Тишина дрогнула и рассыпалась на осколки от властного, неземного зова. Этот голос не мог принадлежать ни одному живому существу. Казалось, он рождался в самом сердце мироздания, эхом отдаваясь в груди: древний, словно воды океана и бездонный, как вечность.

- Ты шагнула за край, дитя.

Алисия попыталась открыть глаза, но веки не слушались.

- Вернись, Алисия Вэнс. Исправь то, что сломала. Искупить то, что погубила.

- Я не могу... там все кончено... Лили мертва...

- Время - не стрела, дитя. Это океан. В нем есть течения, которые уносят вперед, и те, что возвращают назад. Держись крепче.

Тьма взорвалась светом...

...Она открыла глаза.

Над головой покачивался знакомый дубовый потолок. Каюта мерно покачивалась в такт волнам. За иллюминатором синело вечернее небо, тронутое первыми звездами, и чайки кричали где-то совсем рядом - значит, берег близко.

Тело не болело. Ни сломанных ребер, ни кинжала между лопатками, ни запаха горелой плоти.

Алисия вскочила, хватая ртом воздух.

Метнулась к зеркалу, вделанному в дверцу платяного шкафа.

Из зеркала на нее смотрела женщина лет двадцати пяти. Но...

Моложе.

Свежее.

Без глубоких морщин у губ, без той затравленной тени во взгляде, которая поселилась там после стольких месяцев постоянной охоты. И главное - без шрама над левой бровью, который она получила в прошлом году.

- Этого не может быть, - прошептала она.

- Может.

Алисия резко обернулась.

На столе, среди разбросанных карт и недопитой бутылки рома, лежала книга.

Она была старой. Очень старой. Кожаный переплет потрескался от времени, медные застёжки позеленели, но стоило Алисии посмотреть на нее, как по корешку пробежала золотая искра.

Алисия сделала шаг вперед, потом второй. Протянула руку, коснулась переплета - и отдернула, будто обожглась.

- Я знаю этот день, - выдохнула она, глядя на карту, разложенную на столе. - Я помню эту карту. Это...

- Бельтайн, - закончила Книга. - Порт Бельтайн. Ты пришвартуешься там через час. На берегу тебя ждут люди, которые предложат ограбить королевский обоз. Ты согласишься. А через три дня корона назначит цену за твою голову.

- Пятьсот золотых, - машинально сказала Алисия.

- Тысячу, после того, как ты сожжешь патрульный фрегат. - поправила Книга. - Ты умеешь поднять ставки. Но суть не в этом.

- А в чем?

Книга помолчала, будто собираясь с мыслями.

- Твоя сестра сейчас в этом городе, Алисия.

Сердце пропустило удар.

- Лили?

- Она приехала на ярмарку три дня назад. С мужем и дочерью.

Алисия вцепилась в край стола, потому что ноги перестали держать.

- Она жива? - прошептала она. - Она правда...

- Жива, - подтвердила Книга. - Пока жива. Люди герцога Монфортского выйдут на ее след через две недели. Если ты ничего не изменишь, ровно через месяц ее убьют. Ты знаешь, как это будет.

Алисия почувствовала, как по спине побежали мурашки. Второй шанс. У нее есть второй шанс...

Она рванула дверцу шкафа. Вытащила чистую рубашку, штаны, сапоги.

- Я не та, кем была, - сказала она, застегивая пояс с кинжалом.

- Посмотрим.

- Я спасу ее.

- Посмотрим.

- Я докажу.

- Кому?

Алисия остановилась у двери. Обернулась.

На Книгу она смотреть не стала - посмотрела на свое отражение в темном стекле иллюминатора. На женщину с хищными глазами и стиснутыми зубами. На ту, кого боялись от Сапфирового моря до Проклятых островов.

Но теперь в этих глазах горело что-то новое. То, чего не было раньше.

Надежда.

- Себе, - ответила она, поправила кинжал на поясе и шагнула за дверь.

И тут же раздался выстрел.

ГЛАВА 1

Джейкоб рванул к Алисии, сбил с ног и прижал к палубе, накрыв своим телом. Пули просвистели над их головами и впились в мачту, выбив сноп горячих щепок.

- Засада! - крикнул он.

Алисия приподняла голову, выглядывая из-за фальшборта.

На причале, среди рыбацких сетей и бочек с соленой треской, выстроились королевские стражники с мушкетами наперевес. Двадцать человек. Может, больше.

Ее флаг на мачте развевался на ветру как насмешка. Они знали, кто идет. Знали, где и когда.

- Откуда они узнали? - прохрипел Джейкоб, выхватывая пистолет.

Алисия молчала.

Она знала ответ. Знала, потому что уже пережила это однажды. В той жизни, которая еще не наступила. Там тоже были выстрелы, пожар и предательство. Там она умерла.

- Кто-то из наших продал нас, - сказал он.

- Неважно, - оборвала Алисия. - Юнга! За мной!

Рыжий Томми бросился к ним без колебаний.

Алисия вскочила и прыгнула за борт.

Холодная вода сомкнулась над головой. Пули ушли в глубину, не задев ни ее, ни Томми.

На мгновение Алисия зажмурилась - и сквозь толщу воды увидела пожар, кинжал, холодные глаза Джейкоба.

«Это было в другой жизни, - напомнила она себе. - Здесь он еще не предатель...»

Она бесшумно вынырнула у самого причала, за ящиками с треской, осторожно выбралась на берег и скрылась в переулке. Томми - за ней.

Алисия остановилась и повернулась к юнге.

- Слушай меня внимательно, - сказала она. - Иди в порт. Найди писаря, который записывает приходящие суда. Скажешь, что от купца с юга - хочешь узнать, когда сменится стража, чтобы безопасно выгрузить товар. Дашь ему вот это.

Она сунула руку за пазуху, достала маленький кожаный мешочек - там звенело серебро.

- Он клюнет, - сказала она. - Как узнаешь - сразу возвращайся. Я буду у старой Гретты.

- Понял, капитан! - Томми кивнул и метнулся прочь, растворяясь в утреннем тумане.

Мокрый и злой Джейкоб догнал ее через десять шагов.

- Ты с ума сошла! - прошипел он, хватая ее за локоть. - Что ты делаешь?

- спасаю свою сестру.

Он замер.

- Какую сестру? У тебя нет сестры. Ты никогда...

- Я никогда о ней не говорила, - перебила Алисия. - Потому что если бы враги узнали, что у меня есть близкий человек, они бы использовали его против меня.

Она вырвала руку и пошла дальше.

- И ты не доверяла мне, - сказал Джейкоб, догоняя.

Она остановилась и повернулась к нему.

- Я никому не доверяла, - сказала она тихо. - Никому. Даже себе.

Алисия помолчала, собираясь с мыслями.

В ее глазах вспыхнуло что-то, чего он никогда там не видел. Страх.

- Ее зовут Лили, - сказала Алисия. - Она моя близняшка. Мы не виделись много лет, и сейчас ей грозит опасность, если я ничего не изменю.

- Откуда ты знаешь?

- Я не могу тебе пока этого объяснить, честно...

Джейкоб смотрел на нее, и в его глазах она увидела гнев, боль и что-то еще, чему она не решалась дать имя.

- Хорошо, - сказал он наконец. - Веди. Но потом ты мне все расскажешь. Все. Без утайки.

- Договорились, - кивнула Алисия.

Они петляли по узким улочкам, пока наконец не вышли к старому каменному дому с коваными ставнями. Алисия трижды стукнула в дверь - два коротких, один длинный.

- Кого там черти принесли? - раздался скрипучий голос из-за двери.

- Свои, Грета, открывай.

Звякнула щеколда. Дверь приоткрылась, и на пороге показалась маленькая сухонькая старуха с острым носом и цепкими глазами. Жена их бельтайнского скупщика, который помогал сбывать контрабанду.

- Алисия? - она прищурилась, вглядываясь в мокрое лицо гостьи. - Жива еще, чертовка? А мы слышали, тебя утопили.

- Бессовестно врут, - усмехнулась Алисия, переступая порог. - Пускают слухи, чтобы страху нагнать. Грета, мне нужно переодеться и привести себя в порядок. И срочно.

- Вижу, - старуха окинула ее взглядом. - Вода, поди, холодная?

- Терпимая... Слушай, мне нужно повернуть одно дельце. - Алисия прошла в комнату, где горел камин, и начала вытирать волосы сухим полотенцем. - Мне нужны компаньонка, прическа, дорожное платье, экипаж и несколько чемоданов... Грета, найди что-нибудь для Томми - он будет моим пажом. Джейкоб, а ты - охранником. Все понятно?

- Так точно, капитан! То есть... мадам?

- Баронесса, - поправила Алисия. - Баронесса Вэнс. Я вернулась в Бельтайн после долгого отсутствия. Никакого пиратства. Никакой Черной Метки. Я - знатная дама.

- А я? - спросила Грета, доставая из сундука чистое полотенце для Джейкоба.

- А ты - моя престарелая дуэнья... Если кто спросит - ты приехала со мной из Селеции.

- Из Селеции? - Грета хмыкнула. - Я там сроду не была.

- Это ненадолго, - усмехнулась Алисия. - Просто кивай и молчи.

Она прошла за ширму, скинула мокрую одежду, вытерлась жестким полотенцем и села к зеркалу.

Грета, оказалось, умела не только проворачивать темные делишки, но и волосы укладывать. Сухие, цепкие пальцы быстро заплели сложную прическу.

- Откуда у тебя такие таланты? - спросила Алисия, глядя в зеркало.

- Жизнь научит, если надо, - буркнула старуха. - Я в молодости в богатом доме служила. Знаю, как знатных дам причесывать.

Очень скоро Алисия была готова...

...Карета остановилась у главного входа гостиницы «Тихая пристань» ровно в два часа пополудни.

Из экипажа, опираясь на руку своего пажа, вышла прекрасная дама.

Позже хозяин гостиницы, месье Дюбуа, будет рассказывать своей супруге, что в первую секунду принял ее за принцессу крови. Ибо такого благородства, такой породы он не видел даже у герцога Монфортского, который останавливался в его заведении прошлой осенью.

Лицо было скрыто короткой вуалью, тем не менее, она была великолепна.

- Любезный, - голос посетительницы был низким, с легкой хрипотцой, которая делала его удивительно чувственным, - Мне нужны комнаты для меня и моих людей. Я надеюсь, в вашей гостинице есть горячая вода? Дороги в Альдоне, убивают не хуже, чем шпаги разбойников. Я вся в пыли.

- О да, ваша милость! - воскликнул хозяин гостиницы, приходя в себя. - Флобер Дюбуа, к вашим услугам! Лучшие апартаменты, с видом на набережную, две спальни, гостиная, камин, ванная комната с медной купелью, я сейчас провожу вас...

Она направилась к лестнице, не дослушав, а юный паж уже нес за ними багаж.

У самого подножия лестницы дама остановилась и обернулась.

- Месье Дюбуа, - позвала она, лениво растягивая слова. - Я устала в дороге и поужинаю наверху. Сделайте так, чтобы меня никто не беспокоил...

- Как скажете, ваша милость! - залепетал Дюбуа, отвечивая поклон. - Как вас записать?

Женщина помолчала. На секунду ее пальцы дрогнули, теребя край вуали.

- Баронесса Вэнс, - сказала она. - Алисия Вэнс. Я вернулась в Бельтайн после долгого отсутствия.

Дюбуа вытаращил глаза. Вэнсы? Те самые Вэнсы, чей род когда-то владел половиной побережья?

- Рад приветствовать вас, баронесса, - он отвесил низкий поклон.

Ее компаньонка взяла ключ с медной табличкой, и они поднялись на второй этаж.

В апартаментах, за тяжелой дубовой дверью, Джейкоб прислонился спиной к стене и перевел дух.

- Это было великолепно, - сказала Алисия, поправляя вуаль перед зеркалом.

- Надеюсь, оно того стоило, - фыркнул Джейкоб, стягивая перчатки.

- Стоило, - ответила она, не оборачиваясь. - Отдохни. Вечером нам понадобятся силы...

...Номер сестры она нашла быстро. Томми разузнал все заранее - скромные апартаменты в конце коридора.

Дверь под номером четырнадцать. Из-за нее доносился детский смех и нежный женский голос, напевающий колыбельную.

Сердце Алисии пропустило удар.

Столько лет, - подумала она. - Столько лет я не слышала этого голоса.

Она подняла руку, чтобы постучать - и замерла.

Что она скажет? «Здравствуй, Лили, я твоя сестра-разбойница, за голову которой назначена награда»? Или: «Прости, что подвергаю тебя смертельной опасности»?

Алисия закрыла лицо ладонями, пытаясь унять предательскую дрожь.

В ту же секунду тишину разорвал резкий звук, и дверь распахнулась.

Она вскинула голову и застыла, не в силах выдать из себя ни звука, не веря тому, что видит перед собой.

На пороге стояла Лили.

ГЛАВА 2

Воздух в комнате стал вязким. Ни одна не могла вымолвить ни слова. Они смотрели друг на друга - две женщины, одинаковые и разные, как отражения в кривом зеркале. Одна - в светлом платье, с волосами, уложенными в мягкие локоны. Другая - в бархате с вуалью и глазами, которые видели слишком много смертей.

Секунда. Другая. Третья.

- Алли, - выдохнула Лили, и голос ее сорвался.

Этого было достаточно.

Алисия шагнула вперед - и они рухнули друг другу в объятия.

- Ты жива, - шептала Лили, уткнувшись лицом ей в шею. - Боги, ты жива. Я думала... я думала...

- Я здесь, - сказала Алисия, и голос ее был хриплым, сломанным. - Я здесь, Лили. Я вернулась.

- Столько лет, - Лили отстранилась, посмотрела ей в лицо. Глаза ее наполнились слезами.

- Ни одного письма. Ни одной весточки. Ты же обещала, Алли...

Алисия опустила глаза.

- Я думала, что так защищаю тебя, - сказала она тихо. - Если бы враги узнали, что у меня есть сестра...

- А как же я? - Лили повысила голос. - Я думала, что тебя убили! Я оплакивала тебя! А ты...

Она не договорила. Всхлипнула и снова прижалась к сестре.

Алисия гладила ее по спине и молчала. Что она могла сказать? Что боялась принести смерть? Что думала, так будет лучше? Все это звучало бы жалко.

- Но почему сейчас? - спросила Лили, отстраняясь. - Почему не раньше?

Алисия помолчала, собираясь с мыслями.

- Тебе грозит опасность, - сказала она. - Человек, который охотится за мной, вышел на твой след. Его зовут герцог Монфортский.

Лили побледнела. Лицо ее, еще секунду назад теплое и живое, стало серым.

- Я слышала это имя, - сказала она. - От него приходило письмо на имя Ричарда. Он спрашивал о нашем отце... Знаешь, я вышла замуж за нашего соседа, помнишь его?

Алисия вздрогнула, но быстро взяла себя в руки.

- Поздравляю, дорогая, он чудесный человек, и всегда был влюблен в тебя по уши... Но о каком письме идет речь?

Лили подошла к комоду, достала из ящика сложенный лист бумаги и подала сестре.

Алисия развернула его. Изящный каллиграфический почерк, герцогская печать, вежливые, но цепкие формулировки. Она пробежала глазами строки:

«Уважаемый барон Эшворт, до меня дошли сведения, что ваша супруга, урожденная Вэнс, принадлежит к древнему роду, имевшему в прошлом определенные связи с короной...»

- Что ему нужно? - спросила Алисия, поднимая взгляд на сестру.

- Я не знаю, - ответила Лили. - Но перед смертью отец говорил о какой-то шкатулке. О наследии. О том, что мы должны что-то найти.

- Шкатулке? - переспросила Алисия.

Лили кивнула. Подошла к кровати, опустилась на колени и достала из-под кровати небольшую шкатулку из темного дерева, инкрустированную перламутром. Она была очень старой, с потускневшей от времени отделкой и медным замочком, покрытым зеленью.

- Он держал ее при себе до самой смерти, - сказала Лили. - И взял с меня клятву беречь ее как зеницу ока. Я пыталась ее открыть, но у меня ничего не получилось.

Алисия взяла шкатулку. Дерево было теплым - почти живым. Она провела пальцем по крышке, и по корешку пробежала золотая искра. Такая же, как на Книге.

Она вздрогнула.

- Что? - спросила Лили.

- Ничего, - ответила Алисия, ставя шкатулку на столик. - Думаю, я знаю, как решить эту проблему.

Лили опустилась на край кровати, сцепила пальцы.

- Алли, - сказала она тихо, не поднимая глаз. - Раз уж мы заговорили о семейных секретах... Я хочу тебя кое о чем спросить. Все эти годы один вопрос не давал мне покоя.

Она подняла глаза.

- Это ты заплатила наши долги? После смерти отца, когда поместье хотели забрать?

Алисия молчала.

- Кто-то анонимно внес огромную сумму, - продолжала Лили. - Поместье стало моим приданым. Без этого Ричард никогда не смог бы на мне жениться. Я много лет гадала...

Она замолчала. Ждала.

Алисия отвела взгляд.

- Я посылала деньги, - сказала она тихо. - И рада, что этого хватило, чтобы сохранить поместье.

Лили закрыла лицо руками. Плечи ее дрожали.

- Все эти годы, - растроганно прошептала она. - Я думала, ты забыла про меня. Что тебе все равно. А ты...

- Я не хотела, чтобы ты знала, - сказала Алисия.

- Ты боялась за меня, - закончила Лили. - Как всегда.

Они помолчали. Теплая тишина повисла в комнате, полная невысказанных слов.

- Лили, - сказала Алисия, первой нарушая молчание. - Ты должна уехать. Пока ты здесь, у меня связаны руки.

- Ричард тоже так считает, ему очень не понравилось это письмо... Мы уже начали собираться, - кивнула Лили. - Еще до того, как ты появилась.

Она встала и подошла к окну.

- У Ричарда есть родственники в горах. Маленькая деревня, куда даже почта приезжает раз в месяц. Мы будем там в безопасности. А ты... ты найди тетю Маргарет. Помнишь ее?

- Тетя Маргарет? - Алисия нахмурилась.

- Она живет на улице Роз. Мы все это время поддерживали с ней связь. У нее были какие-то старые бумаги отца. Я напишу ей, может, они помогут открыть шкатулку.

Алисия кивнула.

- Я найду ее.

Они обнялись - в последний раз. Крепко, молча, как в детстве.

- Возвращайся, - прошептала Лили. - Прошу тебя.

- Обязательно, - ответила Алисия. - Я за тобой вернусь. Как только все закончится.

Лили посмотрела на нее долго. Очень долго.

- Просто возвращайся живой, - сказала она наконец и осенила сестру священным знаменем.

Алисия тихонько выскользнула в коридор.

Она уже подходила к своему номеру, когда услышала за спиной тихий шорох.

Кто-то крался следом.

Алисия не обернулась и не ускорила шаг. Только пальцы сами собой нащупали ножны кинжала.

За ней следили.

ГЛАВА 3

Утро следующего дня встретило Бельтайн густым туманом.

Особняк тети Маргарет стоял в глубине сада, спрятанный за кованой оградой и вековыми липами, в самом конце улицы Роз. Когда-то он был белым - теперь его стены покрылись благородной патиной времени, а ставни выпцвели до цвета увядшей лаванды.

Алисия поднялась на крыльцо и взялась за дверной молоток. Джейкоба она оставила в гостинице - тетя Маргарет не жаловала незнакомцев в своем доме.

Дверь открыла горничная - женщина лет пятидесяти, с суровым лицом и идеально гладкими волосами, убранными под чепец.

- Баронесса Вэнс? - горничная почтительно опустила глаза в пол. - Госпожа ждала вас. Прошу, проходите, - тихим, ровным голосом произнесла она, отступая в сторону и указывая рукой на гостиную, после чего добавила. - Ваша сестра прислала записку несколько часов назад, и мы подготовили для вас все необходимое.

Маргарет де Валькур, урожденная Вэнс, была той редкой породой женщин, которых время не сгибает, а лишь закаляет, как клинок, прошедший через горнило. В свои шестьдесят семь лет она сохранила прямую осанку и острый взгляд, унаследованный от рода, который когда-то соперничал с коронами за влияние на морях.

Ее муж, судовладелец средней руки, давно ушел в мир иной, оставив ей небольшое состояние, особняк в Бельтайне и пустоту, которую она заполняла садом, книгами и редкими визитами к единственной родственнице, которая еще вызывала в ней живой интерес - внучатой племяннице Лилиан.

Когда Лили написала ей, что ее сестра-близняшка, пропавшая несколько лет назад вернулась, Маргарет испытала удовлетворение человека, который долго ждал своего часа. Ибо в жилах ее текла та же кровь, что и в жилах Алисии, - кровь женщин, которые не прощали обид и умели ждать десятилетиями, чтобы нанести удар.

Старые счета с домом Монфор, о котором она никогда не забывала, требовали уплаты, и в лице этой дерзкой, опасной девчонки, явившейся практически из морской пучины с кинжалом на поясе и огнем в глазах, Маргарет наконец обрела свое орудие возмездия.

- Ты уверена, что хочешь это сделать? - спросила Маргарет, и глаза ее блеснули.

На ней было утреннее платье из темно-зеленого шелка, волосы, седые, но все еще густые, убраны в высокую прическу, заколотую черепаховыми гребнями.

- У меня нет выбора, - ответила Алисия, не оборачиваясь.

Маргарет подошла к ней, поставила шкатулку на подоконник.

- Твой отец не хотел, чтобы вы знали правду, - сказала она. - Он думал, что сможет защитить вас, спрятав от света. Думал, что если вы будете жить тихо, то герцог забудет о вашем роде. Но он ошибался.

- Что за правда? - спросила Алисия.

Маргарет помолчала, глядя в окно.

- Твой отец разорился не случайно. Корабли, которые ему принадлежали, не утонули в шторме. Их захватили, а его объявили должником и банкротом. Его хотели сломать, заставить отдать то, что он хранил. Но он не сдался. Тогда его убили. Мой муж, Жан, пытался ему помочь - он был судовладельцем, имел связи, думал, что сможет защитить семью. Его нашли в порту с перерезанным горлом через неделю после смерти твоего отца. - Ее голос был спокойным, но Алисия видела, как побелели костяшки пальцев, сжимающих подлокотники кресла. - Меня не тронули. Вдову, бездетную, беззащитную... они посчитали безобидной. И я позволила им так думать. Все эти годы я ждала. Ждала, когда кто-то из рода Вэнсов вернется, чтобы нанести удар.

Она замолчала, и в глазах ее мелькнуло что-то темное, давно похороненное.

- Я и сама не все знаю, но твой отец, Эдвард Вэнс, был не просто морским торговцем, - сказала она наконец. - Он был хранителем. В нашей семье, из поколения в поколение, передавалось нечто - знание, сила, способность... Я не знаю точно, как это назвать. Но герцог Монфортский охотился за этим. Твой отец унес тайну с собой в могилу. Но герцог не верит, что она умерла вместе с ним.

- Поэтому он начал собирать информацию о нас, - поняла Алисия.

- Поэтому он ищет вас, - кивнула Маргарет. - И не остановится, пока не найдет.

Она открыла шкатулку - пальцы ее дрожали, когда она поворачивала ключ, висевший у нее на шее на тонкой золотой цепочке. Внутри, на бархатной подушке, лежали документы - пергаменты с сургучными печатями, бумаги с геральдическими знаками, письма, перевязанные лентами. Все это пахло пылью и временем.

- Это все, что осталось от вашего наследия, - сказала Маргарет. - Твой титул, Алисия. Документы, подтверждающие, что ты - баронесса Вэнс, старшая дочь Эдварда Вэнса, наследница всего, что принадлежало вашему роду.

- Я не знала, - сказала Алисия, беря в руки пергамент. - Отец никогда не говорил...

- Он не хотел, чтобы ты знала, - повторила Маргарет. - Он думал, что титул привлечет к вам внимание. Что враги начнут интересоваться вами. Он хотел, чтобы вы были свободны.

- Свободна, - горько усмехнулась Алисия. - Да, я очень свободна.

Она развернула пергамент, и взгляд ее упал на строки, написанные изящным каллиграфическим почерком: «Алисия Мари Вэнс, старшая дочь Эдварда Вэнса, баронета. Сим документом подтверждается ее право на титул баронессы Вэнс и все земли, принадлежащие роду Вэнсов по праву наследования».

- Этого достаточно, чтобы войти в свет? - спросила она, не поднимая глаз.

- Более чем, - ответила Маргарет. - Документы в полном порядке. Насколько я поняла, на поместье ты не претендуешь, и оно отошло Лилиан, а титул тебе. Но, - она помедлила, - тебя никто не знает. Ты давно не появлялась в обществе. Чтобы попасть к герцогу, тебе нужно, чтобы кто-то из уважаемых людей представил тебя. Поручился за тебя.

- И кто это сделает?

- Я, - сказала Маргарет. - Я - твоя двоюродная бабка, и мое имя в Бельтайне знают. Герцог не откажет мне в просьбе представить мою внучатую племянницу, которая долгие годы жила в Селеции и только сейчас вернулась на родину.

Алисия подняла глаза. Маргарет смотрела на нее с той же хищной цепкостью, что и сегодня утром, когда впервые увидела ее на пороге своего дома.

- Почему вы помогаете мне? - спросила Алисия. - Вы знаете, кто я. Знаете, что за мной охотятся. Если герцог узнает...

- Герцог наверняка уже знает, - перебила Маргарет. - Его люди повсюду. Вопрос не в том, узнает он или нет. Вопрос в том, какую игру мы будем играть. Я стара, Алисия. Мой муж умер, детей у меня нет, и я давно ждала случая, чтобы спросить по счетам. У герцога Монфортского накопились долги перед нашим родом. Возможно, теперь пришла пора их отдать.

- Завтра вечером герцог Монфортский дает бал-маскарад в своем особняке. Приглашены все аристократы Бельтайна и окрестностей. Это событие года, и герцог будет там - принимать гостей, блистать, наслаждаться своей властью.

- И вы хотите, чтобы я пошла туда? - спросила Алисия.

- Я хочу, чтобы мы были там, - поправила Маргарет. - Ты войдешь в его дом под своим настоящим именем. Как баронесса Вэнс, старшая дочь Эдварда Вэнса, наследница всего, что принадлежало вашему роду. Нам надо придумать, как проникнуть в его кабинет, там находится ключ от шкатулки, которую передала тебе Лили. Наверняка, у тебя есть знакомства в кругах тех ловких людей, для которых не существует ни замков, ни законов?

- Я...

- Не желаю знать никаких подробностей, просто реши этот вопрос, дорогая!

Маргарет хлопнула в ладоши, давая понять, что аудиенция окончена. Алисия вышла - на улице ее ждал экипаж де Валькуров.

- В гостиницу «Тихая пристань», - сказала она кучеру.

Вечер опускался на Бельтайн, когда карета остановилась у знакомого крыльца.

Алисия хотела только одного – принять ванну и как следует выспаться – последние дни вымотали ее до предела.

Но в спальне ее ждал необычайно хмурый Джейкоб. В руке он сжимал лист плотной бумаги.

Едва Алисия переступила порог, он взял ее за руку.

- Нам нужно серьезно поговорить, - произнес он.

ГЛАВА 4

Номер гостиницы тонул в полумраке. За окном шумел вечерний Бельтайн - где-то вдалеке лаяли собаки, хлопали ставни, кричали птицы в саду.

Джейкоб стоял у окна, сжимая в руке лист плотной бумаги.

- Что это? - спросила Алисия.

- Письмо, - ответил он. - Принесли сегодня, пока тебя не было.

- От кого?

Джейкоб помолчал. Пальцы его, сжимавшие край листа, побелели.

- От одного священника, - сказал он наконец. - Его зовут отец Бенедетто. Он пишет, что меня разыскивает... мой отец.

Алисия медленно повернулась.

- Твой отец? - переспросила она. - Ты же говорил, он бросил тебя. Что не захотел признавать незаконнорожденного сына.

- Я так думал, - Джейкоб поднял на нее глаза. В свете масляной лампы его лицо казалось высеченным из камня. - Оказывается, он искал меня...

Он протянул ей письмо.

Алисия взяла лист, пробежала глазами строки, написанные изящным, чуть дрожащим почерком:

«Милостивый государь!

Сыновий долг призывает Вас в Селецию. Отец Ваш, граф Лоренцо д'Орсоли, разыскивающий Вас все эти годы, тяжело болен и страстно желает видеть Вас. Я пробуду в Бельтайне до середины июня сего года, в ксенодохии собора Святой Анны.

С молитвою о Вашем здравии, отец Бенедетто».

- Ты знал, что он граф? - тихо спросила Алисия.

- Знал. - Джейкоб встал, подошел к окну, встал рядом с ней. - Мама рассказывала. Но я никогда не верил, что он вспомнит обо мне. Он был знатным, богатым, у него была законная семья, дочь... Зачем ему незаконнорожденный ублюдок?

- Не называй себя так.

- Почему? - он усмехнулся, но усмешка была горькой. - Так меня называли всю жизнь. Настоятель приюта Благий Вести говорил, что я - шлюхино отродье. Что розги очищают душу.

Алисия мягко коснулась его руки, ее пальцы сжали его холодную ладонь.

- Расскажи мне, - прошептала она, заглядывая ему в глаза. - Расскажи все. Как ты очутился в приюте?

Джейкоб застыл. Минуты тянулись бесконечно, проваливаясь в тяжелое, вязкое молчание.

Но вдруг его плечи дрогнули. Он заговорил, выталкивая из себя слова с глухой яростью, словно освобождаясь от яда, который долгие годы выжигал его изнутри.

- Мою мать звали Катарина Сфорца. Она была известной оперной певицей. Звездой. Ей аплодировали короли, к ее ногам летели цветы и бриллианты. А потом она встретила моего отца и влюбилась... А через год родился я...

Он замолчал, собираясь с силами.

- Я родился за морем, в красивом палаццо, в Селеции - городе дождей, купцов и нищих. Помню, ребенком я вместе с матерью кормил голубей на площади Святого Антуана... Когда мне было пять, отец графа - мой дед - узнал о нашем существовании. Он пришел в ярость и пригрозил лишить сына наследства. После этого все переменялось. Мы уехали из дворца с резными башенками... Отец еще раз приезжал, оставил на столе увесистый мешочек золота и надолго исчез из нашей жизни...

Мы много разъезжали по городам. Мама выступала на лучших сценах Лора и Селеции. Джейкоб провел рукой по лицу.

- А через несколько лет она увидела моего отца в ресторане, где поклонники дивы Катарини закатали пир в ее честь. - с женой. У нее помутился рассудок. В припадке ревности она напала на графиню с ножом.

- Всеблагие Заступники, - прошептала Алисия.

- Ее отправили в тюрьму, а меня - в приют Благой Вести.

Он замолчал. Воспоминания нахлынули внезапно, как шторм в открытом море - без предупреждения, без жалости, сбивая дыхание и переворачивая все внутри.

Приют Благой Вести, Торрен, шестнадцать лет назад

Каждое утро начиналось со звона колокола.

Джейкоб ненавидел этот звук.

Монах в грязной сутане входил после звона и начинал будить детей грубым окриком. Тех, кто не вставал сразу, поднимали пинками.

В капелле падре Фабрицио - настоятель приюта, сухой, костлявый старик с жесткими глазами - бросал неодобрительный взгляд на нескладных, худых воспитанников.

Грязная сутана была Джейкобу коротка, едва доходя до колен. Несмотря на свои тринадцать лет, он был выше и сильнее более взрослых воспитанников, но выглядел самым бледным и истощенным.

- Джейкоб! - голос падре резал тишину капеллы. - Дитя, ты опять отвлекаешься от молитвы! Тебе следует благодарить Всеблагих за свое спасение и молиться о ниспослании мира грешной душе твоей матери!

Сверстники бросали на него косые взгляды. Они знали, что мать Джейкоба - дурная женщина. Она сидела в тюрьме за убийство. Никто не заступится за него. Взрослые его не любили, дети боялись. Падре Фабрицио не упускал случая, чтобы наказать и уколоть волчонка - розги свистели над его спиной с жестокой регулярностью,

- Дурная трава! - приговаривал настоятель, замахиваясь плетью. - Шлюхино отродье...

Однажды в воскресенье падре отправил Джейкоба на кухню чистить рыбу, которую мальчик ненавидел.

Джейкоб сидел на табурете, запустив руки в ледяную воду. На кухне царила суета. Настоятель принимал важных гостей. В печи шипел, покрываясь румяной корочкой, жирный каплу, вымоченный в белом вине. На столе возвышалась молодая индейка, наипигованная трюфелями и чесноком.

Аромат был такой, что у Джейкоба свело желудок. Он знал: это для падре Фабрицио. Сейчас прислужник унесет индейку в его покои, и священник будет наслаждаться ее вкусом, пока голодные дети глотают слюны.

Злоба поднялась в душе Джейкоба темной, горячей волной.

Повар, вынув индейку из печи, ушел в кладовую.

Мальчик бросился к столу, вынул из горячей индейки печенье яблоки, и сунул себе в рот. Жирный сок обжег губы, небо, горло - но это было так вкусно, что он не мог остановиться. А потом дрожащими руками начал набивать пустое нутро индейки чешуей и рыбьими потрохами.

Он красиво уложил индейку обратно, и вернувшийся повар ничего не заметил. Прислужник падре с торжественным видом поднял блюдо и унес на второй этаж.

Джейкоб смотрел ему вслед. В груди билась странная, злая, ликующая дрожь.

Через несколько минут падре ворвался в кухню, в руке его была кожаная плеть.

- Ну что, звереныш, - прошипел он, - доигрался?

Он не заметил, что мальчишка до сих пор сжимал в руке нож, которым потрошил рыбу. Визг, разорвавший тишину вечера, был нечеловеческим.

Падре упал на пол, прижимая к плечу окровавленные пальцы. А по двору мчался Джейкоб с кухонным ножом в руке.

В ту ночь тринадцатилетний мальчик исчез. Падре Фабрицио, получивший небольшую царапину, поднял на ноги всю городскую стражу, но беглеца не удалось разыскать.

- До Порто-Соло я добрался через месяц, питаюсь подаяниями, - продолжил Джейкоб, возвращаясь в настоящее. - На берегу залива я свалился замертво, обессилев от лишений и голода.

Очнувшись в баркасе старого контрабандиста Пьетро. Он взял меня к себе, выходил, научил вязать узлы и ходить под парусом.

Джейкоб горько усмехнулся.

- Через десять лет Пьетро, который к тому времени заменил отца, погиб у меня на руках от картечи королевских таможенников. С тех пор я понял: рассчитывать можно только на себя...

... Спустя довольно короткое время от побережья до гор разнеслись слухи о шайке неуловимых и беспощадных бандитов, которые внезапно появлялись среди белого дня в самых неожиданных местах и исчезали бесследно. Более пяти лет наша шайка, состоявшая всего из трех бывших моряков, безнаказанно бесчинствовала, но наконец рота королевских егерей прижала нас к берегу в одном из заливов. Приятели мои были убиты, а сам я, раненный, был отправлен на невольничьей рынок, где хотели продать на галеры.

Он замолчал. Взял письмо со стола, посмотрел на него.

- А потом - ты. - Он поднял глаза на Алисию. - Купила меня за семьдесят золотых и дала свободу на следующее же утро.

Алисия молчала. В комнате висела тишина - теплая, полная невысказанных слов.

- Так что, - Джейкоб кивнул на письмо, - когда какой-то священник пишет, что мой отец - тот самый, который не захотел меня знать, - вдруг решил меня найти, я не знаю, что думать.

- А что, если это правда? - тихо спросила Алисия.

- Тогда он опоздал примерно лет на двадцать.

Он хотел отвернуться, но Алисия взяла его лицо в ладони, не дала отвести взгляд.

- Ты самый храбрый человек, которого я когда-либо знала, - сказала она. - Мужчина, который прыгнул за мной за борт под пули. Так почему же сейчас ты боишься поверить, что нужен кому-то.

- Я не боюсь, - возразил он, но голос его дрогнул.

Алисия поцеловала его - медленно, нежно, будто вкладывая в этот поцелуй все, что не могла сказать словами.

Джейкоб ответил. Его руки обвились ее талию, прижали к себе. Поцелуй стал глубже, отчаяннее - как у людей, которые не знают, что будет завтра, знают только то, что есть сейчас.

Свечи догорали.

За окном шумел ночной Бельтайн.

Но сейчас им не было до этого дела.

ГЛАВА 5

Свечи догорели до половины, когда они наконец оторвались друг от друга.

Алисия чувствовала, как колотится сердце Джейкоба. Он прижался лбом к ее лбу, и она слышала его прерывистое дыхание.

- Ты как? - тихо спросил он.

- Сама не своя, - призналась она. - Волнуюсь.

- Я заметил. - усмехнулся он.

Провел большим пальцем по ее скуле.

- Джейкоб, - сказала она.

- Мм?

- Завтра я иду к герцогу. Мне надо выяснить, какая угроза нависла над нами...

Он замер. Отстранился ровно настолько, чтобы видеть ее лицо.

- Я знаю.

- Ты должен уйти на корабль, - сказала Алисия, глядя ему прямо в глаза. - Подготовь «Месть» к отплытию. Запасы, оружие, команду. Мы должны быть готовы уйти немедленно.

- Я не оставляю тебя здесь одну, - покачал он головой.

- Не спорь, прошу тебя. - Она взяла его за руку. - Ты нужен мне на корабле. Если все пойдет по плану, я встречу с тобой в бухте Святого Михала.

- Есть еще кое-что, - Алисия помолчала, собираясь с мыслями. - Я напишу отцу Бенедетто. Священнику, который разыскивает тебя. Скажу, что готова помочь вам встретиться.

Джейкоб замер.

- Зачем?

- Потому что твой отец умирает, - мягко сказала она. - Потому что ты заслуживаешь узнать правду. Потому что, если мы переживем завтрашний день, я не хочу, чтобы у тебя остались сожаления.

- Ты не должна...

- Я должна, - перебила она. - Ты сделал для меня больше, чем кто-либо. Позволь мне сделать хоть что-то для тебя.

Он молчал. Долго. Так долго, что она уже решила - рассердился.

- Ты невыносима, - сказал он наконец, и в голосе его не было злости. Только усталая нежность.

- Знаю, - она улыбнулась. - Но ты же меня любишь.

- Люблю, - он коснулся губами ее лба. - За это и страдаю.

Она счастливо рассмеялась, прижимаясь к нему.

- Герцог опасный соперник, - сказал он, и голос его был низким, хриплым, с той опасной ноткой, от которой у Алисии слабели колени. - Ты знаешь, что я чувствую, когда ты уходишь одна?

- Джейкоб...

- Я чувствую, что могу потерять тебя.

В его глазах мелькнула та старая, глубокая боль, которую она видела в тот день на палубе, в будущем, перед смертью. Тогда она не поняла ее. Только сейчас, зная то, что знает, она прочитала в этом взгляде все: годы унижения, годы молчаливого страдания, годы ожидания, когда она, наконец, посмотрит на него не как на купленного раба, не как на удобного любовника.

- Словно я - вещь, которую можно убрать подальше, чтобы не мешалась, - закончил он, и голос его сорвался на шепот. - Я люблю тебя, Алисия. Но иногда ненавижу. И эта ненависть никуда не делась. Она просто... спит.

- Нет.

Слово вырвалось из нее раньше, чем она успела подумать. Что-то внутри нее сломалось - та стена, которую она строила годами, чтобы не чувствовать, чтобы не бояться, чтобы не терять. Она схватила его за ворот рубашки, рванула на себя, прижимаясь всем телом, чувствуя, как тонкая ткань трещит под пальцами.

- Ты не вещь, - проговорила она, глядя ему прямо в глаза. - Ты никогда не был вещью. Ты - мое сердце, Джейкоб. Ты - то, без чего я не могу дышать.

Он замер.

Смотрел на нее сверху вниз, и в его глазах плескалось что-то дикое, голодное, почти страшное. Она видела, как расширились его зрачки, как напряглись мышцы челюсти, как вздымается грудь от прерывистого дыхания.

- Докажи, - сказал он хрипло. - Докажи, что я для тебя не просто игрушка.

Алисия встала на цыпочки и поцеловала его.

Требовательно. Яростно. Она вкладывала в этот поцелуй все, что не могла сказать словами: о будущем, которого она надеялась избежать, о любви, которую боялась признать, о страхе потерять его снова - на этот раз навсегда.

Он ответил мгновенно.

Его руки сжались на ее талии так, что она невольно вскрикнула, и этот крик, приглушенный, жадный, разжег пожар. Он углубил поцелуй, и мир перевернулся. Алисия чувствовала вкус его губ - соленый, с горчинкой рома, который он пил в ожидании ее возвращения. Чувствовала, как его язык встречается с ее, требуя, подчиняя, заставляя забыть обо всем, кроме него.

Он подхватил ее на руки - легко, будто она ничего не весила, - и она обхватила его за шею, прижимаясь ближе, чувствуя, как его сердце колотится в такт ее собственному. Он пронес ее через комнату, не отрываясь от ее губ.

Дверь в спальню распахнулась от удара ногой, и он переступил порог, не выпуская ее из объятий.

В комнате было темно. Только лунный свет, пробивающийся сквозь окна, серебрил полосками паркет, разбросанные бумаги на столе, край кровати, застеленной тонким шелковым бельем. Пахло деревом, морской солью и им - тем острым, мужским запахом, от которого у Алисии кружилась голова.

Он опрокинул ее на кровать, и она охнула, когда матрас прогнулся под тяжестью его тела. Он навис сверху, опираясь на руки, и в лунном свете его лицо было прекрасным и страшным одновременно - точеные скулы, четкая линия губ, глаза, горящие огнем страсти.

- Я ненавижу, когда ты уходишь, - прошептал он, опускаясь ниже, прижимаясь к ней всем телом. Она чувствовала его желание - твердое, горячее, неутолимое. - Я ненавижу каждую секунду, когда тебя нет рядом.

- Я здесь, - выдохнула она, выгибаясь навстречу ему. - Я здесь, Джейкоб. Я...

Он не дал ей договорить.

Его губы нашли ее шею, и она застонала, чувствуя, как его язык скользит по пульсирующей жилке, как зубы покусывают нежную кожу, оставляя следы, которые будут гореть до утра. Его руки спустились к вороту ее платья, и пуговицы послушно выскользнули из прорезей.

- Я хочу видеть тебя, - прорычал он, нетерпеливо стягивая с нее платье, сорочку, слой за слоем. - Хочу чувствовать тебя. Всю.

Он раздевал ее с мучительной нежностью, и в этой нежности была такая глубокая, первобытная страсть, что у Алисии перехватывало дыхание. Его пальцы скользили по ее коже, оставляя за собой дорожки огня, и она выгибалась навстречу каждому прикосновению, теряя счет времени, теряя себя.

Когда его губы коснулись ее груди, она вцепилась в его волосы, прижимая его ближе, и услышала свой собственный стон - низкий, протяжный, полный такого желания, что его хватило бы, чтобы зажечь море.

- Боги, - прошептал он, отрываясь на мгновение, чтобы посмотреть на нее. - Какая же ты красивая...

Когда она осталась совсем нагой, он накрыл ее собой, прижимаясь всем телом, и она чувствовала, как его рубашка трется о ее обнаженную кожу, как его бедра вжимаются в нее, как его желание пульсирует в такт ее собственному.

- Скажи, что ты моя, - потребовал он, глядя ей в глаза. - Скажи, что я не просто...

- Я твоя, - перебила она, обхватывая его лицо ладонями, вглядываясь в серебристые глаза, которые смотрели на нее с такой жадной, отчаянной надеждой. - Только твоя. Всегда твоя.

Что-то сломалось в нем. Или, может быть, наоборот - собралось воедино. Она видела, как его глаза стали темными, почти черными, как напряглись мышцы, как перехватило его дыхание.

Он отстранился ровно настолько, чтобы стянуть через голову рубашку, и Алисия замерла, глядя на его тело - широкие плечи, сильные руки, грудь, покрытая легкой порослью светлых волос, убегающих вниз, к поясу штанов. И шрамы. Множество шрамов - старых и новых, белых и розовых, напоминающих о каждом бое, каждой опасности, через которую он прошел ради нее.

- Смотри на меня, - сказал он. - Я хочу, чтобы ты видела, как я люблю тебя.

Он вошел в нее резко, с рычанием, и Алисия вскрикнула, вцепившись ногтями в его плечи.

Мир сузился до одной точки - до него. До его ритма, его дыхания, его имени, которое она шептала, стонала, кричала в темноту каюты. Он двигался в ней, и каждое движение было как удар - глубокий, сильный, доводящий до грани безумия. Она чувствовала, как напрягаются его мышцы под ее пальцами, как капли пота падают на ее грудь, как его губы ищут ее губы, чтобы заглушить крики, которые рвутся наружу.

- Джейкоб... Джейкоб...

- Вот так, - прохрипел он, ускоряясь.

Волна накрыла их одновременно.

Алисия чувствовала, как он содрогается, как напрягается каждая его мышца, как его крик - хриплый, рваный, почти болезненный - застывает у нее на губах. И в этот момент, когда мир рушился и собирался заново, она поняла то, что должна была понять много лет назад.

Он не просто любил ее. Он жил ею. Каждым вздохом, каждым ударом сердца, каждой мыслью. И если она потеряет его - не в том будущем, которое она надеялась изменить, а сейчас, сегодня, этой ночью - она потеряет себя.

...А потом наступила тишина.

Только их дыхание, смешанное и тяжелое. Он скатился с нее, притянул к себе, уткнулся лицом в ее волосы, и она чувствовала, как его руки дрожат - этот сильный, негибемый мужчина трепетал, как мальчишка.

- Если завтра ты не вернешься, - сказал он тихо, и голос его был хриплым, сломанным, полным той уязвимости, которую он никому, кроме нее, никогда не показывал, - я пойду за тобой хоть на край света. Клянусь всеми богами, Алисия. Даже если ты прикажешь остаться.

Она не ответила.

Только прижалась крепче, чувствуя, как по щеке скатывается слеза, горячая, соленая, пахнувшая морем и отчаянием.

«Не дай мне его потерять, - мысленно взмолилась она той силе, которая вернула ее в этот день, в эту ночь, в его объятия. - Не дай мне сделать так, чтобы он снова меня ненавидел. Не дай мне снова убить его любовью».

Утром в дверь постучали - один длинный удар, три коротких – кто-то свой.

Алисия накинула халат, подошла к двери, приоткрыла.

На пороге стоял Томми.

- Капитан! - выдохнул он. - Поручение выполнено! Ваша сестра и ее семья на перевале. Их встретили люди барона. Через три дня они будут в горах.

Алисия выдохнула - с облегчением, которое не чувствовала уже много дней.

- Ты уверен?

- Точно, капитан. Я сам проводил их до развилки. Дальше они поехали с проводником.

- Молодец, - она потрепала его по голове. - Иди отдохни. Сегодня у нас будет трудный день.

Томми кивнул, зевнул и побрел в свою комнату.

Алисия закрыла дверь, прислонилась к ней спиной.

- Сестра в безопасности, - сказала она. - Теперь я могу идти к герцогу.

Джейкоб уже оделся и стоял у окна, глядя в темноту.

- Ты уверена, что не хочешь, чтобы я поехал с тобой? - спросил он.

- Уверена. - Алисия подошла к нему, поправила ворот его рубашки. - Ты нужен на корабле. Я поеду к тете Маргарет, она поможет мне собраться на бал. А ты - на «Месть». Проверь все, подготовь команду. Через три дня мы встречаемся в бухте Святого Михала.

- А письмо отцу Бенедетто? - напомнил он.

- Я отправлю его от тетушки.

Джейкоб кивнул. Он взял ее лицо в ладони и быстро поцеловал.

- Возвращайся, - прошептал в губы.

- Обязательно, - ответила она.

Он вышел.

Утром Алисия отправила Грету - свою мнимую компаньонку - домой с щедрым вознаграждением.

- Спасибо тебе, - сказала она, обнимая старуху. - Без тебя ничего бы не вышло.

- Ты только береги себя, чертовка, - буркнула Грета, пряча мешочек с монетами.

Алисия оделась в простое дорожное платье и вышла во двор, где ее ждал экипаж.

- На улицу Роз, - сказала она Томми, исполняющему роль ее пажа.

Карета тронулась.

Особняк тети Маргарет встретил ее запахом свежей выпечки и цветущего сада.

Старая леди уже ждала в гостиной, окруженная служанками с коробками и сундуками.

- Сегодня ты идешь на бал - сказала Маргарет вместо приветствия, окидывая ее цепким взглядом. - И ты будешь самой красивой женщиной там.

Они поднялись наверх - в будуар, где уже были разложены платья, драгоценности, веера и перчатки...

Алисия стояла посреди спальни, чувствуя себя куклой, которую наряжают к празднику.

- Это платье не годится, - сказала Маргарет, когда первое облачение - бледно-розовое, с пышными рукавами - натянули на Алисию. - Слишком невинное. Она не должна казаться девочкой. Она должна быть женщиной. Загадочной. Опасной. Подайте вот это, темно-синее. Как море в шторм.

Принесли темно-синее платье. Оно было из тяжелого бархата, с глубоким декольте и рукавами, открывающими плечи. Серебряная нить, вплетенная в ткань, мерцала при каждом движении, как лунная дорожка на воде. Кружева на вороте и манжетах были такими тонкими, что казались сотканными из морской пены.

- Да, - сказала Маргарет, окинув Алисию взглядом. - Это оно.

Служанки зашнуровали корсет, и Алисия охнула, когда ребра сдавило. Она привыкла к мужской одежде, к свободным рубашкам и курткам, к тому, что можно дышать полной грудью. Теперь каждый вдох был коротким, поверхностным, и это придавало ее голосу ту самую загадочную хрипотцу, о которой говорила Маргарет.

- Терпи, - сказала старая леди, заметив ее гримасу. - Красота требует жертв. И чем опаснее женщина, тем теснее ее корсет.

Волосы уложили в высокую прическу, закрепили серебряными шпильками, оставив несколько локонов падать на плечи. Маргарет собственноручно наложила на лицо Алисии легкий слой белил, подвела глаза угольным карандашом, сделала губы алыми, как кровь.

- Теперь, - сказала она, отступая на шаг, - последнее.

Она подошла к комоду, достала футляр из черного бархата, открыла. Внутри, на белом шелке, лежало кольцо - сапфиры в серебряной оправе, такие темные, что казались почти черными, и в центре - крупный камень, в глубине которого горел огонь, как в морской пучине в шторм.

- Это принадлежало твоей матери, - сказала Маргарет. - Она носила его в день свадьбы. Единственное, что удалось спасти от хищных ростовщиков. Я должна была продать его и вызвать ее из тюрьмы, но бедняжка скоропостижно скончалась. Возможно, не своей смертью, но мне ничего не известно наверняка... Я хранила его для тебя.

Алисия коснулась камня пальцами. Он был теплым, живым, и когда Маргарет застегнула кольцо на ее шее, она почувствовала, как по телу разливается странное тепло, как будто что-то проснулось внутри.

Она подошла к зеркалу и замерла.

Из отражения на нее смотрела незнакомка. Темные волосы, уложенные в высокую прическу, открывали тонкую шею, на которой мерцал сапфир. Глаза, подведенные углем, казались почти черными, глубокими, бездонными. Платье облегло фигуру, подчеркивая талию, и струилось к полу тяжелыми складками.

- Ты вылитая Вэнс, - тихо сказала Маргарет, стоя у нее за спиной. - Вот теперь ты готова.

Когда Алисия вышла в коридор, чтобы спуститься вниз, Томми ждал ее у лестницы.

Он был отмыт, аккуратно причесан и одет в ливрею пажа, черную, с серебряным галуном - и должен был сопровождать уважаемых родственниц на маскараде. На самом деле, его задача была найти и вскрыть сейф в кабинете герцога, чтобы завладеть ключом от семейной шкатулки Вэнсов.

Карета громыхла по булыжной мостовой, и Алисия смотрела в окно на огни Бельтайна, зажигающиеся в сумерках. Маргарет сидела напротив, прямая, как статуя, с лицом, которое ничего не выражало, но глаза ее смотрели в темноту с той же хищной настороженностью, что и у Алисии.

- Ты готова? - спросила она, когда карета остановилась у особняка герцога.

Алисия посмотрела на здание - огромное, каменное, с колоннами и статуями на крыше, с окнами, в которых горели сотни свечей, с дверями, распахнутыми настежь, чтобы впустить гостей. Оттуда доносилась музыка, смех, звон бокалов - звуки мира, в котором она никогда не жила.

- Не могу, - призналась Алисия. - Каждую минуту кажется, что я что-то упустила. Что герцог уже знает, где Лили. Что его люди уже в пути.

- Конечно, его люди ищут ее, - усмехнулась Маргарет. - Но горы опасны для тех, кто не знает дорог. Томас вырос там. Они в безопасности.

- Тогда я готова!

- Помни главное, - Маргарет взяла ее за руку, сжала, - ты - баронесса Вэнс. Ты вернулась из Селеции после долгого отсутствия. Ты ничего не знаешь о пиратах, о Черной Метке, о своем прошлом. Ты - леди. И никто не должен усомниться в этом.

- Я помню, - ответила Алисия.

- И еще, - Маргарет помедлила, - герцог опасен. Он умен, хитер и жесток. Он будет проверять тебя. Испытывать. Не поддавайся. Не показывай страх. Не показывай слабость.

- Это я умею лучше всего, - сказала Алисия, и в голосе ее зазвенела сталь.

Маргарет улыбнулась - впервые за весь день.

- Вижу, - сказала она. - Ты - дочь своего отца. И своей матери. А теперь иди!

ГЛАВА 6

Бальный зал особняка Монфортских сиял, как шкатулка с драгоценностями. Тысячи свечей отражались в зеркалах, зажигая миллионы огней, и Алисии казалось, что она идет по облакам - по паркету, натертому до такого блеска, что в нем можно было увидеть собственное отражение, искаженное, как в морской глади.

Она вошла под руку с Маргарет, чувствуя, как тяжелые юбки шуршат по полу, как корсет сдавливает ребра, как сапфир на шее будто пульсирует в такт сердцу. Взгляды скользили по ней - мужские, восхищенные, и женские, завистливые, - но она не смотрела по сторонам. Она искала его.

Герцог стоял у дальней стены, в окружении придворных, и когда увидел ее, его лицо не изменилось. Ни тени удивления, ни интереса - только легкая, едва заметная усмешка, которая могла означать что угодно.

- Ваша светлость, - Маргарет склонилась в реверансе с удивительной грацией. - Позвольте представить вам мою племянницу, баронессу Алисию Вэнс.

- Очаровательно, - герцог взял руку Алисии и поднес к губам. Его поцелуй был холодным, сухим, как прикосновение змеи. - Польщен знакомством.

- Я тоже, ваша светлость, - ответила Алисия, выдерживая его взгляд.

В глазах герцога мелькнуло что-то вроде удивления, и он отпустил ее руку.

Повернулся к Маргарет и завел светскую беседу - о погоде, о дорогах, о последних новостях из столицы. Алисия слушала вполуха, глаза ее блуждали по залу.

Томми стоял у колонны, в своей черной ливрее с серебряным галуном, и смотрел на нее с той настороженностью, которая бывает у молодых волков, почуявших добычу. Он ждал сигнала.

Алисия коснулась сапфира на шее - условный знак, о котором они договорились заранее. Томми кивнул, незаметно отступил в тень и исчез.

Теперь оставалось только ждать.

Танец следовал за танцем. Алисия определенно пользовалась успехом у мужчин, приглашения следовали одно за другим. Какой-то барон, потом граф, потом молодой офицер, который смотрел на нее с таким восхищением, что ей стало почти жаль его.

Время тянулось медленно, как патока. Алисия поглядывала на дверь, за которой скрылся Томми, и считала минуты. Семь. Пятнадцать. Полчаса.

Где же он?

Она уже хотела удалиться под предлогом поправить прическу, когда заметила движение у лестницы, ведущей в хозяйские апартаменты. Герцог, который только что танцевал с племянницей, вдруг замер, повернул голову в сторону и нахмурился. Его глаза - темные, как ночное море - сузились, и он сделал шаг в сторону выхода.

Недолго думая, Алисия двинулась к нему - сквозь толпу, сквозь шуршание юбок и запахи духов, сквозь музыку и смех, - и оказалась у лестницы в тот же миг, что и герцог.

- Ваша светлость, - сказала она, касаясь его рукава. - Вы не пригласили меня на танец. Я обижена.

Герцог остановился. Посмотрел на нее - и в его взгляде мелькнуло что-то, чего она не могла прочесть. Подозрение? Раздражение? Или, может быть, что-то другое - то, от чего у нее замерло сердце?

- Простите, баронесса, - сказал он, и голос его был низким, почти ласковым. - У меня неотложное дело.

- Оно не может подождать? - спросила Алисия, и в голосе ее прозвучала та легкая, кокетливая нотка, которой учила ее Маргарет. - Я так надеялась, что вы составите мне компанию. В этом зале так душно. Может быть, мы могли бы выйти на террасу? Или... - она посмотрела на лестницу, - может быть, вы покажете мне свою библиотеку? Говорят, у вас собрание редких книг, которому позавидовал бы сам король.

Герцог замер.

На одно мгновение - всего лишь на одно - его лицо потеряло маску холодного высокомерия, и Алисия увидела в нем человека. Уставшего, подозрительного, но все еще способного на удивление.

- Вы интересуетесь книгами, баронесса? - спросил он.

- Я интересуюсь всем, что может меня развлечь, - ответила она, глядя ему прямо в глаза.

- А вы, ваша светлость?

Это была опасная игра. Слишком опасная. Но Алисия видела, что Томми так и не вернулся и поняла: времени нет.

- Хорошо, - сказал герцог, и в голосе его появилась нотка заинтересованности. - Пожалуй, я покажу вам свою библиотеку.

Он взял ее под руку, и они начали подниматься по лестнице. Алисия чувствовала, как его пальцы властно сжимают ее локоть.

Кабинет герцога был огромен - не меньше, чем зал для приемов внизу. Стены от пола до потолка были уставлены стеллажами с книгами в кожаных переплетах, с золотым тиснением, с медными застежками. Пол из темного дуба блестел, как зеркало, отражая свет свечей в тяжелых канделябрах. В центре комнаты стоял массивный письменный стол из черного дерева, инкрустированный перламутром и слоновой костью. На столе - стопка бумаг, чернильница из горного хрусталя, несколько перьев.

Алисия заметила движение у окна. Она поняла, что там, в тени тяжелых бархатных штор, притаился Томми.

- Ваша библиотека, - сказала она, проходя в глубь комнаты и стараясь держаться так, чтобы закрыть герцогу обзор на окно. - Она впечатляет. Сколько здесь книг?

- Тысячи, - ответил герцог, закрывая дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел. - Некоторые из них уникальны. Есть, например, одна... - он подошел к стеллажу, провел пальцами по корешкам, - которая рассказывает о вашей семье, баронесса. О роде Вэнсов. О том, что они хранили веками.

- И что же они хранили? - спросила Алисия, чувствуя, как Томми за ее спиной делает шаг, еще один, к двери, которая теперь была заперта.

- Знание, - герцог повернулся к ней, и в его глазах горел огонь. - Знание, которое может изменить мир. Или уничтожить его. Вы знаете, о чем я, баронесса.

- Понятие не имею, ваша светлость, - ответила Алисия, делая шаг к нему, чтобы отвлечь внимание. - Я всего лишь женщина, которая интересуется книгами.

- Женщина, - повторил герцог, и в голосе его появилась насмешка. - Вы не женщина, баронесса. Вы - хищник. Такой же, как я. Я вижу это в ваших глазах.

Он шагнул к ней, и Алисия почувствовала, как ее спина упирается в книжный стеллаж. Он стоял так близко, что она чувствовала запах его одеколона - горький, резкий, как полынь, - и тепло его тела, которое, вопреки ожиданию, было горячим, почти обжигающим.

- Чего вы хотите, баронесса? - спросил он, наклоняясь к ней. - Зачем вы здесь? Не говорите, что из-за книг.

Алисия смотрела в его глаза - темные, глубокие, как морская пучина, - и чувствовала, как время утекает сквозь пальцы. Томми был у двери, но дверь была заперта, а ключ висел на поясе герцога.

- Я здесь, - сказала она, и голос ее был низким, почти шепотом, - потому что вы меня заинтриговали, ваша светлость.

- Заинтриговал? - переспросил он, и в его глазах мелькнуло что-то вроде насмешки. - Чем именно?

- Вы смотрите на меня так, будто знаете что-то, чего не знаю я, - ответила Алисия, поднимая руку и касаясь его лица. Пальцы дрожали - она не могла это контролировать, - но она надеялась, что он примет эту дрожь за волнение. - Вы говорите загадками... Это... интригует.

Герцог замер. Его глаза - темные, бездонные - смотрели на нее с выражением, которого она не могла прочесть. И в этот момент Алисия услышала за спиной легкий скрип - Томми открыл окно, через которое можно было выбраться на карниз.

- Что это было? - герцог резко повернул голову к окну.

Томми еще не выбрался. Если герцог увидит его - все кончено. Осталось одно средство. Самое отчаянное

Алисия не думала.

Она схватила его за ворот, притянула к себе и поцеловала.

А в саду, прижавшись спиной к старому дубу, стоял Джейкоб и смотрел вверх - туда, где в окне кабинета горел свет.

ГЛАВА 7

Поцелуй был отчаянным, как у человека, который прыгает в ледяную воду, чтобы спастись от огня. Она вложила в него всю свою злость, весь свой страх, всю свою ненависть и горечь - чего она сама не ожидала. И, может быть, что-то еще - то, что заставило ее сердце биться быстрее, а пальцы вцепиться в его плечи.

Герцог не сопротивлялся.

На одно мгновение - всего лишь на одно - он замер, будто не веря, что это происходит. А потом его руки обвили ее талию, и он ответил на поцелуй - требовательно, властно, та

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.